

На правах рукописи

Лебедева Юлия Геннадьевна

Традиции в политической культуре современной России

**Специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии**

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Воронеж

2005

Работа выполнена в Воронежском государственном университете

Научный руководитель:

доктор философских наук,
профессор
Валентин Сидорович. Рахманин

Официальные оппоненты:

доктор политических наук,
профессор
Владимир Федорович Пеньков

кандидат философских наук,
доцент
Надежда Павловна Поливаева

Ведущая организация:

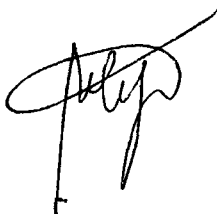
Воронежский государственный
Технический университет

Защита диссертации состоится 30 января 2006 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.038.13 при Воронежском государственном университете по адресу: 394068, г. Воронеж, Московский проспект, 88, ауд. 211 а.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан 29 декабря 2005 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат политических наук

В.В. Черникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретической рефлексии социокультурных и политических явлений, а также процессов, происходящих в российском трансформирующемся обществе. Политические традиции, формируясь в ходе исторического процесса, являются действенным элементом культуры. Будучи фактором политической преемственности между поколениями, они могут быть как легитимной опорой, так и тормозом политического развития. Ошибки в политике часто есть результат игнорирования политических традиций, незнания их или догматического следования отжившим традициям. Типы, формы проявления и функционирования политических традиций, их двойственная роль недостаточно изучены.

В научном сообществе современной России идёт острая дискуссия по следующим вопросам: какое политическое наследие стоит использовать, от чего отказаться, какие традиции являются опорой в демократических изменениях, а какие их тормозят? Для этого следует исследовать как сами политические традиции, их сущность и функционирование в поле политики, так и конкретные их проявления в России. Только выявив конкретные российские политические традиции, можно снизить их негативное влияние или использовать их конструктивные возможности в ходе переустройства общества. В условиях кризиса идентичности социума как элита, так и массы стремятся найти фреймы, на которые будут опираться акторы в политическом поле. В процессе внедрения инноваций необходимо учитывать, насколько они будут конгруэнтны с уже существующими, зачастую веками сложившимися традициями, в какой мере традиции определяют пределы развития и трансформации социума в данный период. На этой основе, можно делать прогнозы потенциального вектора трансформации политической системы и отдельных политических институтов, выбрать оптимальный путь развития социума. Исследование политических традиций также имеет большое значение для теоретической политологии, для разработки политических технологий и реализации практической политики.

Степень научной разработанности проблемы. Традиции – явление многогранное. Политические традиции являются структурным компонентом политической культуры, вступая во взаимодействие не только с элементами подсистемы, но и всей социетальной системы в целом.

Разработка понятия традиции началась уже в древнем Китае, где роли и месту традиции в обществе уделяли внимание Конфуций и Шан Ян¹. В Европе осмысление феномена традиции начинается в XVIII в. в трудах таких исследователей как Дж. Вико и И. Гердер². Особенность их подхода к

¹ Конфуций. Изречения / Конфуций – М. Изд-во МГУ, 1994 – 126с, Конфуций. Лунъюй Изречения / Конфуций – М. ЭКСМО-пресс, 2000 – 426 с; Конфуций Суждения и беседы: Лунъюй / Конфуций – СПб Кристалл, 2001 – 188 с, Конфуций Я верю в древность / Конфуций. – М. Республика, 1995. – 382с, Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер с кит, вступ ст., коммент и послесл Л С Переломова – 2-е изд., доп. – М. Ладомир, 1993 – 391 с

² Вико Дж. Основания Новой науки. Об общей природе наук / Дж. Вико – М. Киев. REFL-book ИСА, 1994 – 617с, Гердер И. Идеи к философии истории человечества / И. Гердер – М. Изд-во Азбука, 1977 – 742 с

традиции – её изучение через призму прошлого, выявление преемственности в историческом процессе.

Важной вехой в исследовании традиции явились теории модернизации, особенно работы М. Вебера и Э. Дюркгейма¹. Основными понятиями становятся «традиция», «традиционное общество», «современность», «современное общество». На ранних этапах развития теории модернизации наблюдалась жёсткая дихотомия традиции и модернизации. Первая понималась как негативное явление и должна была быть вытеснена в процессе модернизации. Начиная с 50-х гг. XX столетия в работах К. Гирца, М. Леви, Г. Алмонда, Д. Эптера, Р. Бендикса рождается более взвешенный подход к проблеме «традиция – модернизация»². Переломным моментом в понимании традиции в её динамической, прогрессивной сущности стали работы Ш. Эйзенштадта и Э. Шилза³. Значительный вклад в исследование традиций внесли такие этнологи и антропологи, как Б. Малиновский, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Ж. Баландьё⁴.

В целом, в рамках традициеведения можно выделить несколько подходов: нормативно-ценностный, стратегический, символический, психологический и трансмиссионный. Основной вклад в разработку теории традиции в рамках нормативно-ценностного подхода внесли М. Вебер, К. Поппер, Т. Парсонс, Э. Шилз⁵. Традиция, с точки зрения данного подхода, выступает как неформальная норма, задающая эталоны поведения. Сторонники

¹ Вебер М Избранные произведения / М Вебер – М Прогресс, 1990 – 808 с, Дюркгейм Э Социология Ее предмет, метод, предназначение / Э Дюркгейм – М КАНОН, 1995 – 349 с

² Гирц К Интерпретация культур / К Гирц. – М РОССПЭН, 2004 – 560 с, Levy M J. Modernization and the Structure of Societies – Princeton Princeton University Press, 1966, Almond A G Introduction A Functional Approach to Comparative Politics / A G Almond // The Politics of the Developing Areas – Princeton, 1960 – P 124-137, Almond G Comparative Political Systems // Journal of Politics – 1956 – Vol 18 – №3 – P 391-409, Almond G Political development essays in Heuristic Theory / G Almond – Boston. Little-Brown, 1970 – 331 p., Apter D. The Politics of Modernization / D Apter – Chicago, IL University of Chicago Press, 1965 – 312 p, Apter D E Political Systems and Developmental Change / D E Apter // Comparative Politics: A Reader / Ed by H Eckstein and D E Apter – Glencoe, IL Free Press, 1963 – 452 p; Bendix R Tradition and modernity reconsidered / R Bendix // Comparative studies in society and history – 1967 – Vol.9 – N1 – P 42-67

³ Eisenstadt S N Cultural Traditions and Political Dynamism / S N Eisenstadt // British Journal of Sociology – Vol 32 – №2 – 1982 – P 155-81; Eisenstadt S N. Tradition, Change, and Modernity / S N Eisenstadt. – New York, Sydney, Toronto John Wiley, 1973. – 550 p, Shils E Center and Periphery Essays in Macrosociology / E Shils Chicago University of Chicago Press, 1975 – 516 p, Shils E Charisma, order and status / E Shils // American Sociological Review – 1965 – V 30 – № 2 – P 199-213, Shils Ed The Virtue of Civility Selected Essays on Liberalism, Tradition, and Civil Society / Ed Shils – Indianapolis: Liberty Fund, 1997 – 397 p, Shils Ed Tradition / Ed Shils – Chicago University of Chicago Press, 1981 – 760 p.

⁴ Малиновский Б Магия, наука и религия / Б Малиновский – М: Рефл-бук, 1998 – 304 с, Малиновский Б Научная теория культуры / Б. Малиновский – М: ОГИ, 1999 – 205 с, Леви-Брюль Л Первобытный менталитет / Л Леви-Брюль. – СПб. Европейский Дом, 2002 – 400 с.; Леви-Стросс К От меда к пеплу / К Леви-Стросс // Леви-Стросс К Мифологии Соч в 4-х т / К Леви-Стросс – М-СПб Книга света, 2000 – Т 2 – 441 с, Леви-Стросс К Первобытное мышление / К Леви-Стросс – М: Терра-Книжный клуб Республика, 1999 – 382 с, Леви-Стросс К Структурная антропология / К. Леви-Стросс – М: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001 – 512 с, Леви-Стросс К Сырое и приготовленное / К Леви-Стросс // Леви-Стросс К Мифологии Соч в 4-х т / К Леви-Стросс – М-СПб Книга света, 2000 – Т 1 – 398с; Баландьё Ж Политическая антропология / Ж Баландьё – М Науч мир, 2001 – 203 с.

⁵ Вебер М Избранные произведения / М Вебер. – М Прогресс, 1990 – 808 с, Поппер К Открытое общество и его враги в 2-х тт / К Поппер – М Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992, Парсонс Т Некоторые проблемы общей теории / Т Парсонс – М ИНИОН РАН, 1994 – 127 с, Парсонс Т О социальных системах / Т Парсонс – М Академический проект, 2002 – 832 с; Парсонс Т О структуре социального действия / Т Парсонс – М, 2002 Академический проект – 880 с; Парсонс Т Система современных обществ / Т Парсонс. – М Аспект-Пресс, 1998 – 270с, Shils E Center and Periphery Essays in Macrosociology / E Shils Chicago University of Chicago Press, 1975 – 516 p; Shils Ed The Virtue of Civility Selected Essays on Liberalism, Tradition, and Civil Society / Ed Shils – Indianapolis Liberty Fund, 1997 – 397 p, Shils Ed Tradition / Ed Shils – Chicago University of Chicago Press, 1981 – 760 p

стратегического подхода, – Ж. Гулд, В.С. Колб, В.И. Воловик, В.Б. Власова, Л.В. Сморгунув – рассматривают политическую традицию как к стратегию, способ поведения актора в политическом процессе¹. Исследователи, работающие в рамках символического подхода, понимают под традицией символический код, отвечающий за сохранение и передачу опыта и воспроизводство социетальной системы. Среди них: Ш. Эйзенштадт, Х. Ортега-и-Гассет, К. Гирц, Д.П. Ги². Анализом глубинных структур традиции на уровне коллективного бессознательного общества занимались К.Г. Юнг, а также ряд российских учёных, например, В.Д. Плахов³. Изучению традиции в рамках трансмиссионного подхода уделяли внимание такие исследователи, как Г. Гадамер, П. Штомпка, Г. Сани, К.В. Чистов, Г.П. Артёмов, которые рассматривают её как институт передачи социокультурного и политического опыта от одного поколения к другому⁴.

Для понимания природы политической традиции следует рассмотреть её в соотношении с концептом политической культуры. Отождествление понятий «политическая культура» и «политическая традиция» наблюдается в работах А. Кробера и К. Клакхона. Политическую традицию как структурный элемент политической культуры рассматривают Г. Алмонд, С. Верба, Г. Сани, Р. Х. Чилкот⁵.

В исследовании политических традиций в России, прежде всего, следует отметить российское дореволюционное интеллектуальное наследие Н.А. Бердяева, Н.П. Милокова, Л. А. Тихомирова, которые внесли большой вклад в

¹ Gould J A Dictionary of the Social Sciences / J Gould, W C Kolb – New York: Free Press, 1964 – 761 p; Воловик В.И. Преемственность поколений и традиции социалистического общества / В.И. Воловик // Преемственность поколений как социологическая проблема – М., 1973 – С.73-91; Власова В.Б. Традиция как социально-философская категория / В.Б. Власова // Философские науки. – 1980 – № 4 – С. 64-72; Сморгунув Л.В. О сущности политических традиций / Л.В. Сморгунув // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. экономика, философия, право – 1983 – № 11 – вып. 2 – С. 40-47.

² Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт – М.: Аспект-Пресс, 1999 – 416 с.; Eisenstadt S N Cultural Traditions and Political Dynamism / S N Eisenstadt // British Journal of Sociology – Vol 32 – №2 – 1982 – P 155-81; Eisenstadt S N Cultural Tradition, Historical Experience, and Social Change. The Limits of Convergence/ S N Eisenstadt // The Tanner Lectures on Human Values Delivered at The University of California, Berkeley May 1-3, 1989 – (<http://www.tannerlectures.utah.edu/lectures/eisenstadt90.pdf>), Eisenstadt S N Tradition, Change, and Modernity / S N Eisenstadt – New York, Sydney, Toronto: John Wiley, 1973 – 550 p.; Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник / Х. Ортега-и-Гассет – М.: Радуга, 1991 – 639 с.; Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004 – 560 с.; Gee J P. An introduction to Discourse Analysis: Theories and Method / J P Gee – N.Y.: Routledge – 2000 – 176 p.

³ Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг – М.: Ренессанс, 1991 – 297 с.; Юнг К.Г. Дух Меркурий / К.Г. Юнг – М.: Канон, 1996 – 384 с.; Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов / К.Г. Юнг – Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996 – 382 с.; Плахов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования / В.Д. Плахов – М.: Мысль, 1982 – 220 с.

⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер – М.: Прогресс, 1988 – 700 с.; Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка – М.: Аспект-Пресс, 1996 – 416 с.; Sani G. Political Traditions as Contextual Variables: Partisanship in Italy/ G. Sani // American Journal of Political Science – 1976 – Vol XX – №3 – P. 375-405; Чистов К.В. Традиция, «традиционное общество» и проблема варьирования / К.В. Чистов // Советская этнография – 1981 – N 2 – С. 81-89; Артёмов Г.П. Политическая социология. Учебное пособие / Г.П. Артёмов – М.: Логос, 2002 – 279 с.; Артёмов Г.П. Политические парадоксы России: природа и значение // Вестник СПб ун-та. Выпуск 1. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право – 1994 – С. 8-13.

⁵ См. Kroeber A. Culture: A critical Review of Concepts and Definitions of Culture / A. Kroeber, C. Kluckhohn – Cambridge, Mass., 1952 – 349 p.; Almond G. A. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G. A. Almond, S. Verba – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963 – 562 p.; Sani G. Political Traditions as Contextual Variables: Partisanship in Italy/ G. Sani // American Journal of Political Science – 1976 – Vol XX – №3 – P. 375-405; Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Р.Х. Чилкот – М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь мир», 2001 – 560 с.

понимание русского национального характера и русской политической культуры¹.

В современной отечественной науке исследование российских политических традиций ведёт А.Л. Янов, который выявил двухкорневую основу политической традиции в России, единство её двух аспектов – авторитарного и демократического². В рамках цивилизационной специфики России проблему политической традиции затрагивали А.С. Ахиезер, В.В. Ильин, И.Г. Яковенко³. Политической культуре и отчасти политическим традициям посвящены работы Ю. Пивоварова, Д. Гудименко, А. Мурадяна, Э. Баталова⁴. Значительный вклад в понимание роли и особенностей функционирования политических традиций внесли исследователи политического сознания, политических установок и политических

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев – М: Наука, 1990 – 220 с.; Бердяев Н.А. Судьба России. Самосознание. Избр. Произведения / Н.А. Бердяев – Ростов н/Д: Феникс, 1997 – 541 с.; Милоков П.Н. Искусство. Школа. Просвещение / П.Н. Милоков // Очерки по истории русской культуры. в 3 т. / П.Н. Милоков – М: Издательская группа "Прогресс"- "Культура", 1994. – Т.2 – 496 с.; Милоков П.Н. Национализм и европеизм / П.Н. Милоков // Очерки по истории русской культуры. в 3 т. / П.Н. Милоков – М: Издательская группа "Прогресс"- "Культура", 1995 – Т.3 – 480 с.; Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров – СПб.: АО "Комплект", 1992 – 680 с.

² 294 Янов А. Введение к первой книге трилогии «Россия и Европа. 1462-1921»/А.Янов – (<http://www.politstudies.ru/universum/dossier/03/yanov-4.htm>), Янов А.Л. Россия у истоков трагедии 1462 – 1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности / А.Янов – М: Прогресс-Традиция, 2001. – 559 с.

³ Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) / А. Ахиезер // Pro et Contra. – 2002. – Т.7 – №3 – С. 51-76; Ахиезер А.С. Архангел в российском обществе как методологическая проблема / А.С. Ахиезер // Общество науки и современность. – 2001 – №2 – С. 89-100; Ахиезер А.С. Методология анализа политических традиций в России // Общество науки и современность – 2000 – №1 – С.71-83; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта / А.С. Ахиезер. Соч. в 3 т. – М: Философ. о-во СССР. Секция филос. проблемы культуры, 1991 – Т.1. – 318с.; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта / А.С. Ахиезер. Соч. в 3 т. – М: Философ. о-во СССР. Секция филос. проблемы культуры, 1991 – Т.2 – 378 с.; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта / А.С. Ахиезер. Соч. в 3 т. – М: Философ. о-во СССР. Секция филос. проблемы культуры, 1991 – Т.3 – 470 с.; Ильин В.В. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.С. Ахиезер – М: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 398 с.; Ильин В.В. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы / В.В. Ильин, А.С. Ахиезер – М: Изд-во МГУ, 1997 – 384 с.; Ильин В.В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В.В. Ильин, А.С. Ахиезер – М: Изд-во МГУ, 2000 – 304 с.; Яковенко И.Г. Власть в русской традиционной культуре / И.Г. Яковенко // Социокультурная методология анализа российского общества: материалы Независимого теоретического семинара под рук. А.С. Ахiezера – (<http://scd.centro.ru/15.htm>), Яковенко И.Г. Российское государство: дополнительность социального и культурного анализа / И.Г. Яковенко // Россия: трансформирующееся общество. Под ред. В.А. Ядова – М: КАНОН-ПРЕСС, 2001 – С. 167-179; Яковенко И.Г. Слово как проблема цивилизационного анализа / И.Г. Яковенко // Культура в эпоху цивилизационного слома. Материалы Международной научной конференции 12-14 марта 2001, Москва. – С. 60-72; Яковенко И.Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности (Связи, обусловленности, логика актуализации) / И.Г. Яковенко // Общественные науки и современность – 2000 – №3 – С. 87-95.

⁴ Пивоваров Ю. Русская политическая культура и political culture / Ю. Пивоваров // Pro et Contra – 2002 – №3 – Т.7 – С. 23-50; Пивоваров Ю.С. Политическая культура и политическая система в России: от принятия христианства до петровских времён / Ю.С. Пивоваров // Мир России – 1993. – №1 – Т.2. – С. 184-212; Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России // Ю.С. Пивоваров – М: ИНИОН РАН, 1994 – 220 с.; Гудименко Д.В. Политическая культура России: преемственность эпох / Д.В. Гудименко // Полис – 1994 – №2 – С.156-164; Мурадян А. Политическая культура и власть (к вопросам о причинах зигзагов в развитии российского конституционализма) / А. Мурадян // Власть – 1999 – №7 – С. 64-67; Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture / Э. Баталов // Pro et Contra – 2002 – Т.7 – №3 – С. 7-22; Баталов Э.Я. Советская политическая культура / Э. Баталов // Общество науки и современность – 1994 – №6 – С. 32-41.

представлений элиты и масс: Г. Дилигенский, Ю. Левада, В. Пантин, В. Лапкин, Ю. Шевченко, А. Мельвиль, Е. Шестопал¹.

Значительную роль сыграли зарубежные советологи, изучающие политическую культуру советского и постсоветского времени, а также проблемы перехода стран Восточной Европы от авторитаризма к демократии: С. Р. Бёрнт, Р. Такер, С. Вайт, Дж. Хон, Ф. Флерон, М. Левин, Дж. Хоуг, А. В. Финифтер².

Таким образом, в отечественной и зарубежной социально-политической мысли накоплен значительный опыт исследования феномена политических традиций вообще и политических традиций в России в частности. Однако при обилии научных трудов и публикаций остаются неизученными многие проблемы. Нет чёткого определения понятия политической традиции, представления о её влиянии на политический процесс. Недостаточно изучена проблема генезиса традиции и изменения традиции в трансформационных процессах. Наконец, при многочисленности работ, посвящённых

¹ Дилигенский Г. Г. "Запад" в российском общественном сознании / Г. Г. Дилигенский // Общественная наука и современность – 2000 – № 5 – С. 41–53; Дилигенский Г. Г. Российские архетипы и современность / Г. Г. Дилигенский // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии – М. Прометей, 1997 – С. 273–279; Дилигенский Г. Г. Дифференциация или фрагментация? (О политическом сознании в России) / Г. Г. Дилигенский // Мировая экономика и международные отношения – 1999 – № 10 – С. 38–48; Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология: Учебное пособие для студ. вузов, обуч. по спец. "Социология", "Психология", "Политология" / Г. Г. Дилигенский. – М. Нов шк., 1996 – 351 с.; Левада Ю. От мнений к пониманию: Социол. очерки, 1993–2000 / Ю. Левада – М. Библиотека Московской школы политических исследований, 2000 – 574 с.; Левада Ю. Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления / Ю. Левада – (<http://www.intelros.ru/lib/staty/levada1.htm>), Левада Ю. А. Человек лукавый: двоемыслие по-русски / Ю. Левада // ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения – 2000 – №1(45) – С. 19–27; Лапкин В. В. Русский порядок / В. Лапкин, В. Пантин // Полис – 1997 – № 3 – С. 74–88; Лапкин В. В. Общественное мнение и изменение общественных институтов в России и на Западе / В. Лапкин, В. Пантин // Политические институты на рубеже тысячелетий (XX–XXI вв.) – Дубна: Феникс, 2001 – С. 102–105; Лапкин В. В. Ценности постсоветского человека / В. Лапкин, В. Пантин // Россия политическая / Под общ. ред. Л. Шевцовой. – М.: Московский центр Карнеги, 1998 – С. 136–194; Лапкин В. В. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в современной России / В. Лапкин, В. Пантин // Мировая экономика и международные отношения – 2000 – № 4 – С. 54–63; Пантин В. И. Глобализация и проблемы развития демократических институтов в России / В. И. Пантин // Политические институты на рубеже тысячелетий (XX–XXI вв.) – Дубна: Феникс, 2001 – С. 397–409; Пантин И. К. Демократия в России: противоречия и проблемы / И. К. Пантин // Полис – 2003 – №1 – С. 134–148; Шевченко Ю. Власть и политическая культура: воздействие политических институтов на советские и постсоветские культурные ценности / Ю. Шевченко – (www.auditorium.ru/books/144/glava2.html); Шевченко Ю. Конфликт между ветвями власти и электоральное поведение в России / Ю. Шевченко // Мировая экономика и международные отношения – 1999 – №1 – С. 82–89; Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая – М.: Московский центр Карнеги, 1998 – С. 32–44; Образы власти в постсоветской России / [Под ред. Е. Б. Шестопал] – М.: Алтейа, 2004 – 536 с.; Шестопал Е. Б. Образ власти в России: желание и реальность / Е. Б. Шестопал // Полис – 1995 – №4 – С. 86–97; Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теорет. и прикладные проблемы полит. психологии / Е. Б. Шестопал – М.: РОССПЭН, 2000 – 430 с.

² Burant S. R. The Influence of Russian Tradition on the Political Style of the Soviet Elite / A. Brown // Political Science Quarterly – 1987 – Vol. 102 – №2 – P. 273–293; Tucker R. C. Culture, Political Culture, and Communist Society / R. C. Tucker // Political Science Quarterly – 1973 – Vol. 88 – P. 173–190; White S. Political Culture and Soviet Politics / S. White – New York: St Martin's, 1979 – 563 p.; White S. The Russian presidency / S. White // Post-Communist Presidents / R. Taras (ed.) – Cambridge: Cambridge University Press, 1997 – P. 13–37; Hahn J. Continuity and Change in Russian Political Culture / J. Hahn // British Journal of Political Science – 1991 – Vol. 21 – P. 393–423; Fleron F. J. Post-Soviet political culture in Russia: an assessment of recent empirical investigations / F. J. Fleron // Europe-Asia Studies – 1996 – Vol. 48 – №2 – P. 225–260; Lewin M. The Gorbachev Phenomenon / M. Lewin – Berkeley: Univ. Calif. Press, 1988 – 176 p.; Hough J. The Soviet System: Petrification or Pluralism? / J. Hough // Problems of Communism – 1972 – Vol. 21 – P. 116–132; Finifter A. W. Attitudes toward Individual Responsibility and Political Reform in the Former Soviet Union / A. W. Finifter // American Political Science Review – 1996 – Vol. 90 – №1 (Mar., 1996) – P. 138–152; Finifter A. W. Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Political Change / A. W. Finifter, E. Mickiewicz // American Political Science Review – 1992 – Vol. 86 – №4 – P. 857–874

социокультурным и политическим основам российского общества и российской политики, нельзя сказать, что политические традиции системно исследованы. Отсутствует чёткое разграничение «политической культуры», «политических стереотипов», «политических представлений» и «политических традиций» (особенно это свойственно исследованиям российской специфики).

Источниковую базу исследования можно разделить на несколько групп. Первую группу источников представляют официальные документы: Полное собрание законов Российской империи; резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС; Конституция РСФСР 1918 г., Конституция СССР 1924 г., Конституция СССР 1936 г., Конституция СССР 1977 г.; Конституция РФ 1993 г., Собрание законодательства Российской Федерации.

Вторая группа представлена материалами социологических исследований, полученных Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом общественного мнения (ФОМ), Аналитическим центром стратегических социальных и политических исследований ИСПИ РАН.

Третью группу источников представляют собой послания президента РФ Федеральному Собранию, программные документы политических партий; рабочий ежедневник президента РФ.

Четвёртая группа – печатные материалы СМИ («Российская газета», «Новая газета», «Коммерсант», «Аргументы и Факты»), содержащие официальные документы, а также интервью представителей политической элиты РФ.

Пятую группу источников составляют мемуары и воспоминания политических деятелей.

Объектом диссертационного исследования является политическая культура и политическая жизнь современной России.

Предмет исследования – традиции в политической культуре современной России (начало 1990-х – начало 2000-х гг.).

Цель диссертационного исследования заключается в исследовании роли политических традиций в трансформационных процессах России 1990-х – начала 2000-х гг., их структуры, функций и влияния на политическую культуру.

Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение следующих задач:

1. Выявить сущность политических традиций, разработать типологию политических традиций.
2. Исследовать механизмы генезиса и динамики политических традиций.
3. Проанализировать традиции властвования в политической культуре и выявить особенности их функционирования в России на рубеже XX-XXI вв.
4. Выявить традиции политических трансформаций в России и определить их влияние на современный политический процесс в РФ.

Методологической основой диссертации является интеграция методов фундаментального и прикладного анализа. С помощью историко-генетического метода были проанализированы причины и факторы возникновения политических традиций и их эволюция. Структурно-функциональный подход даёт возможность показать сущность политической традиции, её структуру,

типологию и функции. В диссертационном исследовании был применён метод типологии: на основе нескольких критериев были выделены различные типы политических традиций. С помощью неинституционального анализа было выявлено влияние политических традиций как неформальных нормативных образцов на функционирование политических институтов.

В диссертационном исследовании были использованы также методы контент-анализа и дискурс-анализа, позволяющие осуществить смысловое конструирование и социальную контекстуализацию символических форм, а также обратиться к глубинным структурам традиции и их артикуляции в политической практике в виде мифов и нарративов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в постановке, обосновании и решении задач выявления сущности политических традиций и их функционирования в политической культуре трансформирующейся РФ. Новизна работы представлена в следующих позициях:

- Систематизированы ключевые подходы к анализу традиций как структурному компоненту политической культуры и фактору политического процесса.
- Выявлена сущность политических традиций, осуществлена их типология. Исследован процесс генезиса и эволюции политических традиций.
- Выявлена роль политических традиций в политической культуре современной России на рубеже XX-XXI вв.
- Исследована динамика российских политических традиций в условиях трансформации.
- Осуществлён анализ потенциала российской политической системы к изменению в контексте российских политических традиций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политическая традиция – неформальный институт, обладающий особой устойчивостью. Политическая традиция обладает кумулятивным свойством, транслируя накопленный опыт политического бытия от прошлого поколения к будущему, выполняя, таким образом, коммуникативную и интегративную функции. Она представляет собой генерализированный социокультурный код политической системы, играя значимую роль в её воспроизводстве. Трансмиссия традиций является элементом политического процесса. На индивидуальном уровне она осуществляется в ходе социализации, а на институциональном – в результате процедуры инвеституры (передача/наследование сущностных характеристик от одного института к другому).

2. Традиция представляет собой амбивалентную конструкцию, в которой одновременно сосуществуют аккумуляция опыта прошлого и потенциал к рождению нового. Любая традиция проходит следующие фазы своего становления: зарождение (инновационный прецедент), стадию хабитуализации («опривычивание» в массовом сознании), типизации, институционализации. Традиция подвержена трансформации. Она изменяется под напором внешних

факторов путём адаптации, ассимиляции и/или аккомодации. Под давлением модернизации политическая традиция может быть формально сломлена, но фактически она переходит в стадию энтропии и сохраняется в форме архетипа, обладая высоким потенциалом к актуализации в благоприятных для неё социально-политических условиях.

3. С начала XXI в. в России наблюдается актуализация традиций российской монособъектной власти. Рекреация политических традиций российской власти носит целерациональный характер, преследует цель восстановления стабильности и общественной интеграции. Среди них следует выделить традиции синкретизма, доминирование исполнительной ветви власти над законодательной и судебной, соединение власти и собственности, традицию этатизма.

4. Одна из существенных традиций российских представительных институтов, получившая своё оформление в советский период, заключалась в широком народном представительстве. Представительные учреждения традиционно не обладали реальными полномочиями в сфере определения государственной политики в силу доминирования исполнительной власти. Они несли функцию совещательного форума и легитимации правящего режима. На рубеже XX-XXI вв. традиция широкого народного представительства была сломлена посредством введения новой избирательной системы, что негативно повлияло на степень легитимности института парламентаризма. Одновременно находятся в стадии становления новые политические традиции: традиции альтернативных выборов, традиции политической оппозиции, традиция конструктивного взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти.

5. Традиция представляет собой один из основных элементов кросстемпоральной и межпространственной коммуникации в обществе. Исследование политических традиций взаимоотношения российской власти и общества показывает, что в процессе коммуникации воспроизводятся следующие социокультурные коды: закрытость и безответственность власти перед обществом, выключенность масс из процесса принятия решений, традиция раскола народа и власти, недоверие к власти и т.д. Они не способствуют, а, напротив, препятствуют установлению обратной связи и прозрачности каналов коммуникации. Однако в современной РФ появляются новые позитивные тенденции, которые нашли своё отражение в зарождении инновационных прецедентов. Традицией могут стать: диалог власти и общества (посредством создания площадок для обсуждения и артикуляции значимых общественных проблем, новых информационных технологий), конструктивное взаимодействие ветвей власти, автономная активность гражданского общества и т.д.

6. Российская политическая культура обладает своими традициями политических трансформаций: традицией «реформы сверху»; традицией революционных изменений как отрицания социокультурной системы предыдущего исторического этапа при одновременной актуализации старых архаических форм; традицией заимствования инокультурных образцов (преимущественно западных) при сохранении старого содержания; традицией

«догоняющего развития». Эти традиции во многом детерминируют современный процесс российской трансформации. Рассмотрев две социокультурные модели, сложившиеся на протяжении развития российской государственности – авторитарно-патерналистскую и мобилизационную модель «догоняющего развития», – мы пришли к выводу, что в последней содержится потенциал к восприятию инноваций и устойчивой трансформации российского социума.

Теоретическая и практическая ценность работы. Результаты диссертационного исследования могут служить дальнейшему изучению проблем политической культуры России, влияния неформальных практик и норм на политические институты и политические процессы. Полученные результаты вносят вклад в исследование трансформирующихся обществ и поднимают проблему конгруэнтности различных социокультурных моделей в процессе модернизации.

Положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в политическом прогнозировании, в политических технологиях (учёт национальной специфики), а также в разработке курсов по политической теории, политической культуре, политической антропологии и социологии в высших учебных заведениях.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены на заседаниях кафедры социологии и политологии ВГУ, на научных сессиях ВГУ; на курсах повышения квалификации преподавателей социологии и политологии Казанского государственного университета; на научных конференциях МИОН в г. Воронеже; при совместной, в соавторстве с преподавателем кафедры, подготовке спецкурса «Политический генотип России».

Объём и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 381 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень её разработанности, определяются объект, предмет, цель, задачи, методологическая основа исследования, раскрывается научная новизна диссертации, её теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе *«Традиция как политический институт»* автором выявлены сущность политических традиций, механизмы генезиса и динамики политических традиций.

В первом параграфе *«Понятие политической традиции. Место традиции в политической культуре общества»* автор рассматривает современные концепции изучения традиций. Их можно объединить в такие методологические подходы как нормативно-ценностный, стратегический, символический, психологический и трансмиссионный. Изучение политической традиции посредством мультипарадигмального подхода позволяет выявить разные свойства традиции, её конститутивные характеристики.

Нормативно-ценностный подход представляет собой один из самых значимых подходов. Основной вклад в разработку теории традиции в рамках нормативно-ценностного подхода внесли такие учёные как М. Вебер, К. Поппер, Т. Парсонс, Э. Шилз. В советском традициеведении её разрабатывали И.В. Суханов, Н.С. Сарсенбаев. Особенное внимание нормам уделяется в концепции нормативного институционализма, в частности, Дж. Марчем и Й. Олсеном.

Сторонники нормативно-ценностной парадигмы и близкие к нему неонституционалисты понимают традицию, в том числе и традицию политическую, как неформализованную норму, задающую образцы, эталоны политического поведения и политического действия для акторов в поле политики. Согласно неонституционалистскому подходу, политические традиции сами по себе могут выступать в качестве самостоятельных политических институтов, при условии, что эти традиции разделяют большинство членов общества с определённой степенью доверия (недоверия).

В отличие от представителей нормативно-ценностной подхода, изучающих традицию с точки зрения статике, сторонникам стратегического подхода (Ж. Голд, В.С. Колб, В.И. Воловик, В.Б. Власова, Л.В. Сморгун) свойственен динамический подход в исследовании политической традиции. Принципиально важным оказывается тот факт, что политическая традиция является не просто статичной нормой, претерпевающей процесс трансляции, а особой стратегией или неформальным способом поведения (который может быть и институционализирован) функционирования политического института, определяющего диспозиции акторов поля политики.

Представители символического подхода рассматривают сущность традиции на более глубинном уровне. Наибольший вклад в разработку этой проблемы внесли Ш. Эйзенштадт, К. Леви-Стросс, М. Фуко, П. Бурдьё, К. Гирц. Политический генотип, политическая мифология как наиболее глубинные компоненты политической традиции отвечают за выполнение функции воспроизводства образца политической подсистемы. Одновременно в данной подсистеме осуществляется генерализация ценностей в динамическом её аспекте.

Политические традиции представляют собой символический код поля политики. Их совокупность образует программу политического поля, которая детерминирует политический процесс, оказывая влияние и изменяя социально-политические практики. Одновременно изменяются сами традиции.

Благодаря концентрации внимания на скрытых структурах, кодах, в которых заключена запрограммированная информация о социетальной системе в целом и политической подсистеме, в частности, такой подход позволяет увидеть латентные механизмы функционирования системы. Исследование социокультурных кодов содержит объяснительный потенциал в понимании неформальных социокультурных практик в рамках политического процесса.

Наряду с символистами, сторонники психологического подхода также изучают глубинные структуры традиции и их макро- и микровлияние на ментальном уровне. Чтобы понять сущность традиции, автор обратился к работам З. Фрейда, К.Г. Юнга. В российском традициеведении на позициях

символизма стояли С. Есенгелдиев, В.А. Малинин, Т.В. Проничева, В.Д. Плахов. Исследования в рамках психологического анализа позволили выявить имплицитные структуры, такие, как архетип.

Трансмиссионный подход к традициям рассматривает их как институт передачи, трансмиссии нормативных образов социетальной системы (П. Штомпка, Г. Сани, Э.С. Маркарян, В.Д. Плахов, К.В. Чистов, Г.П. Артёмов). Исследователи делают акцент на устойчивости социетальной системы, которая обеспечивается благодаря универсальному механизму аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии, составляющих сущностную основу традиции. Межвременной и межпространственный коммуникативный акт позволяет сохранить каналы связи с прошлым и способствует сохранению устойчивых связей в социальном и политическом полях в настоящем.

Для понимания роли традиции в социетальном сообществе автор считает необходимым выявить место политической традиции в политической культуре, а также степень их когерентности. Основным элементом политической культуры являются историко-седиментированные ценности, включая, прежде всего, политические традиции. Традиция представляет собой систему координат, на основе которой строится культура. Она является связующим звеном между культурно-историческим базисом и политической системой. Взаимосвязи политической культуры и политической традиции уделяли внимание такие исследователи, как В.С. Малахов, К.В. Чистов, В.И. Максименко, А. Кребер, К. Клакхон, Г. Алмонд, С. Верба, Г. Сани, Р.Х. Чилкот, Л.В. Сморгун, К.С. Гаджиев.

Политическая культура выступает как единство стиля деятельности акторов политики, участников политического процесса и системы форм и факторов политической деятельности, составляющих механизмы накопления, трансформации и реализации политического опыта. Политические традиции в этом случае являются одновременно и накопительными элементами, и способом действия политической системы, отличаясь от остальных компонентов политической культуры чрезвычайной стойкостью благодаря способности к реанимированию.

Во *втором параграфе «Структура, функции и типология политических традиций»* автором анализируется структура политической традиции. Её можно представить следующим образом. В её основании – архетип как некая установка на политическое действие. На следующем уровне – образ политической реальности, воплощённый в политических символах, политических стереотипах и социально-политических мифах. Внешний уровень структуры традиции – это схема политического действия, которая обретает своё бытование в социально-политических ритуалах и обычаях.

Ядро политической традиции – архетип – представляет собой бессознательную установку на определённый тип социально-политического действия. Архетипы можно разделить на универсальные и этнические. Универсальные архетипы представляют собой базисные структуры человеческого существования, обеспечивающие преемственность общекультурного развития. Универсальные архетипы общечеловечны, например, архетип порядка, архетип власти.

В этнических архетипах закреплены основные свойства этноса как культурной целостности. Они отражают историю конкретного народа. Этнический архетип в социально-политической сфере общества также можно обозначить как социально-политический генотип, который заключает в себе концентрированный социальный и политический опыт данной нации. Отличительные свойства генотипа – сочетание высокой устойчивости и способности к мутациям. Отсюда появляются динамические свойства политической традиции.

Наполнение архетипов конкретным политическим содержанием происходит благодаря образам социально-политической реальности через символы, мифы и стереотипы. Благодаря им и происходит сохранение, репродукция и репрезентация архетипов, локализованных в пространственно-временном контексте.

Следующий пласт политической традиции представляют собой схемы политического действия, выраженные в обычае и ритуале. Церемониальный, стандартизированный характер действий ритуала имеет идентификационный и энергосберегающий смысл для социума, как и все остальные элементы политической традиции (и сама традиция в целом). Обычай представляет собой составную часть традиции, её статичное её звено. Для того, чтобы обычай обрёл свою легитимность, необходим значительный исторический период, в течение которого большая часть индивидуумов должна принять этот обычай.

Автор произвёл типологизацию политических традиций, используя несколько типологических критериев. Во-первых, по источнику их возникновения: одни политические традиции, генезис, развитие и функционирование которых происходит в массовой среде, опираются на архетипические образы и бытуют в виде мифов, привычек, стереотипов мышления или поведения; другие политические традиции внедряются социальными мыслителями, политическими деятелями, политическими технологами, властными структурами. Во-вторых, на основе характера их функционирования в обществе: традиции могут быть актуализированными и неактуализированными, явными и латентными, активными и пассивными. В-третьих, по характеру, способу институционализации: формализованные и неформализованные, легализованные (узаконенные) и хабиитуализированные (общепризнанные). В-четвёртых, по их роли в историческом процессе: традиции прогрессивные и реакционные. В-пятых, политические традиции различных субкультур (например, традиции массовой и элитарной субкультуры).

Для выявления сущности политических традиций автор выделил следующие их функции: аккумуляции и трансляции политического опыта, идентификации акторов политического поля, интеграции и регуляции политического пространства, а также легитимации власти и неформального санкционирования политического поведения членов социума.

В третьем параграфе «Генезис и динамика политической традиции» исследуется традиция в процессе своего генезиса. Она проходит несколько стадий: возникновения, хабиитуализации, типизации и институционализации. Источники прецедента, дающие импульс к возникновению любой традиции, могут быть разными. Традиция может рождаться спонтанно, например, в

результате какого-либо исторического события, или устанавливаться намеренно, «изобретаться» политическими элитами или мощной генерирующей личностью. Прецедент, дающий начало любой традиции, первоначально есть инновация.

Вероятность трансформации инновации в традицию не безусловна. Прежде чем инновация приобретёт форму политической традиции, она, во-первых, должна отвечать конститутивному ядру политической культуры и цивилизационным основам данного социума, во-вторых, включать социальные ожидания, устремления социума, в-третьих, отвечать условиям общественного развития, в-четвёртых, пройти длительные этапы хабиитуализации, типизации и институционализации.

Хабиитуализация («опривычивание» в массовом сознании) представляет собой часто повторяющееся действие, которое становится образцом. В будущем это действие будет осуществлено по тем же самым образцам, что и в настоящем, и в прошлом.

Окончательное оформление института происходит тогда, когда осуществилась типизация опривыченных действий. На стадии типизации формируется политическая традиция.

Институционализация обеспечивается благодаря континууму социальных процессов и механизму контроля. Традиция неоднократно воспроизводится в пространстве и во времени, обретая свою форму.

В процессе своего бытования и функционирования в обществе традиции могут подвергаться распаду в результате кризиса легитимности, сужения сферы влияния традиции, снижения функциональной интенсивности или деградации ритуалов, обычаев и предания их забвению. Кризис легитимности традиции – опасная стадия распада. При этом наблюдается резкая критика и полное отрицание целого комплекса ранее бытовавших традиций.

Помимо распада, под воздействием внутренних и внешних факторов среды традиция может подвергаться изменению. Процесс трансформации традиций – важная и актуальная проблема для современного российского общества. Можно выделить следующие стадии изменения традиции: 1. добавление (addition); 2. слияние, амальгамация (amalgamation); 3. диффузия, распространение (diffusion); 4. поглощение, абсорбция (absorption); 5. плавка, расплавление (fusion).

Результатом модернизации может быть не только полная ассимиляция новых комплексов, их адаптация или замена старой традиции на новую, но и синкретизм или аккомодация (сближение и сращивание) традиций, сочетание традиционных и новых ценностей, как правило, носящих характер «импорта». Политическая традиция может быть подвергнута реинтерпретации, то есть попытке подвести традицию под новые стандарты (в период модернизации).

Возможна реанимация старых, отживших традиций. Возрождение политических традиций может быть намеренное и спонтанное. При целенаправленной регенерации забытых политических традиций они становятся объектом идеологической деятельности государства, партий, общественных объединений.

Во второй главе *«Традиции властвования в политической культуре России на рубеже XX – XXI вв.»* выявляется роль политических традиций верховной власти, традиций института представительства, традиций взаимоотношения общества и государственной власти в политической жизни современной России на рубеже XX-XXI вв., их динамику в условиях трансформации.

Первый параграф «Традиции верховной власти» посвящается традициям верховной власти в России. При анализе политических традиций российской власти автор использует категорию «верховной власти». Применительно к современной России рубежа XX-XXI вв. под этой категорией подразумевается не формализованное, а в большей степени неформальное доминирование тех или иных структур и акторов в системе государственной власти и в политическом поле в целом.

Исторически сложилось, что «верховная» власть в России означала моносубъектность и до 1917 г. принадлежала монарху. В советский период реальными субъектами государственной власти были генеральный секретарь или группа «коллективного руководства», в зависимости от сложившейся политической конъюнктуры. В период перестройки, инициированной М.С. Горбачёвым, возникла перспектива перехода от моносубъектности к полисубъектности власти. Режим Б.Н. Ельцина, при всей конфронтационности во взаимоотношениях с парламентом, всё-таки сохранял полисубъектность – оппозиционный парламент, экономическая элита, СМИ, самостоятельные субъекты федерации. Безусловно, подобная полисубъектность в 1990-е гг. несла в своей основе во многом негативные тенденции, грозила распадом российской государственности. С 2000 г. традиции моносубъектности власти и концентрация властных полномочий в федеральном центре начинают превалировать.

Традиции моносубъектной власти претерпели существенную трансформацию. Целенаправленная тенденция к усилению и концентрации политической власти происходит параллельно с сохранением либерального курса в социально-экономической сфере. Правящая элита и президент ищут в традиционной системе властвования возможность для стабилизации и регуляции политической системы.

Помимо целенаправленных действий по актуализации традиций властвования существуют и латентные причины, благодаря которым сохраняется преемственность и стойкость социально-политического кода российской верховной власти. К факторам трансляции традиций верховной моносубъектной власти относятся сохранение и актуализация архетипического наследия и социализация.

Если в конце 1980-х – в первой половине 1990-х гг. правящая элита пыталась ломать старые традиции, то, начиная с 2000 гг., можно отметить тенденцию к актуализации традиций досоветского времени политическим истеблишментом России. Это отчётливо наблюдается в политическом дискурсе президента. Вместе с тем можно говорить о генезисе и хабиитуализации новых политических традиций.

Среди традиционного социокультурного комплекса российской верховной власти можно выделить такие компоненты, как традицию синкретизма, верховенство исполнительной власти над законодательной и судебной ветвями власти, традицию надзаконности верховной власти, традицию этатизма.

Традиция синкретизма – одна из основных традиций властвования в российской политической культуре. Она тесно связана с принципом моносубъектности и предполагает единство и неделимость, отсутствие принципа дифференциации власти.

Для режима Б. Ельцина характерны полицентризм, отсутствие жёсткой «вертикали власти» и децентрализация на уровне регионов и субъектов РФ. Государственная Дума, в которой существовала сильная оппозиция исполнительной власти, оказывала влияние на корректировку политического курса. Но элементы традиции синкретизма власти сохранялись. Это подтверждает высокая концентрация властных полномочий в руках президента, легализованная в основном законе страны и легитимированная принятием Конституции 1993 г. на референдуме. Объём полномочий российского президента по отношению к правительству, и объём законодательных полномочий позволяет использовать термин «сверхпрезидентская система»¹.

Проявление традиции синкретизма можно наблюдать в восстановлении позиций доминирования федерального центра над регионами. Первым шагом была административная реформа, начатая в мае 2000 г. Логическим завершением административной реформы и выстраивания «вертикали власти» стала замена принципа открытой, прямой, всенародной выборности губернаторов их фактическими назначениями верховной властью и легитимацией законодательными органами субъектов РФ.

Тенденция к увеличению контроля исполнительной власти, в частности, президента, над законодательной и судебной ветвями власти, – следующий признак актуализации традиций моносубъектности российской власти. Парламент, состоящий из Нижней и Верхней палат, Государственной Думы и Совета Федерации, имеет ослабленные позиции и полномочия в политической системе страны. Усиление статуса верховной власти отражается в формализованных, закреплённых, в частности, в Конституции, и в неформальных политических практиках.

Следствием традиционного отсутствия разделения властей является верховенство российской моносубъектной власти над законом, низкий авторитет законности и права, превалирование формулы «политической целесообразности». Это обусловлено традиционным доминированием политической подсистемы над всеми остальными сферами социального сообщества, в том числе и над правовым полем. Традиционные правила игры в России не предусматривали правовой контроль.

С начала 2000-х гг. ситуация относительно ориентации власти на закон стала меняться. Президент стремится действовать «в рамках закона» и

¹ Термин Г. Голосова, См. Голосов Г. Сравнительная политология / Г. Голосов – СПб: Изд-во Европ. Ун-та в С.-Петербурге, 2001 – С. 282

«опираться на закон»¹, ставя задачу легитимации и легализации правящего режима в условиях его трансформации и изменения в области государственного управления.

Согласно политической теории, «ориентация на закон» – одна из фундаментальных ценностей либеральной идеологии. Однако традиционная особенность российского «массового» либерализма заключается в том, что он плохо сочетается с понятием «уважения к закону». Специфика российского массового, и элитарного сознания состоит в том, что «закон» – это ценность, присущая в большей степени российским «этатистам», чем «либералам». В дискурсе В.В. Путина ориентация на закон употребляется в большей степени в «государственном» контексте, а не в рамках либеральной идеологии и свидетельствует об усилении этатистских тенденций в государстве и обществе, а не обращение к либеральным ценностям.

Неисполнение и «обход» законов российской властью компенсируется практикой решения проблем в закрытом режиме и неправовыми методами с применением сугубо неформальных «теневых» связей и практики патрон-клиентных отношений. Это также одна из традиций российской власти и российского общества в целом, стойко укоренённая как в сознании элиты, так и масс, берущая своё начало ещё в досоветском прошлом.

Применение неформальных практик президентом может объясняться не только традицией, но и стремлением к интенсификации реализуемых политических решений, попыткой «обойти» бюрократический аппарат.

Существенным компонентом, раскрывающим феномен российской верховной власти и непосредственно связанным с традицией властного синкретизма, является отношение к собственности. Власть всегда выступала в качестве верховного распределителя. Обладание властью рождает обладание собственностью и богатством, а не наоборот.

В современной Российской Федерации соединение власти и собственности нашло своё выражение не только в роли власти как распределителя ресурсов или во влиянии «олигархов» на принятие политических решения, но и в прямой форме. Административный аппарат стал неотъемлемой частью экономической элиты.

Следующая политическая традиция российской власти – этатистская традиция, которая характеризуется огромной ролью государства и бюрократического аппарата. Она выражена в усилении государственной деятельности в экономической сфере: сохранение «государственных монополий» для важных отраслей российской инфраструктуры, в том числе и в нефтегазовой промышленности, усиление плановых тенденций. В социально-политической и управленческой сфере об этатистских тенденциях свидетельствует рост бюрократического аппарата.

Традиция этатизма в начале XXI в. претерпела значительную эволюцию. Ей приходится сосуществовать с новой трансформирующей российской политической реальностью и с заимствованными либерально-

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (3 апреля 2001 года, Москва, Кремль) – (<http://president.kremlin.ru>), Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (25 апреля 2005 года, Москва, Кремль) – (<http://president.kremlin.ru>)

демократическими ценностями, с зарождающимися институтами гражданского общества, плюрализмом мнений, политической оппозицией и частной собственности. Интересно то, что в России происходит реинтерпретация не старой политической традиции под новые нормы, носящие характер «импорта», а наоборот – новые либерально-демократические традиции подводятся под старые стандарты. Институты гражданского общества создаются «сверху» государством, на выборах активно используется административный ресурс. Таким образом, происходит выхолащивание демократического содержания политических институтов.

Во *втором параграфе «Традиции института представительства»* анализируются политические традиции института представительства в России. Прототипом представительных учреждений стали Земские соборы. Первый представительный институт в его современном понимании был учреждён в России в 1905 г. Была создана двухпалатная система высших законодательных органов. Нижней палатой первого российского парламента стала Государственная дума, верхней – Государственный совет. Важным стимулом становления института представительства стала идея созыва Учредительного собрания.

Традиция представительства не была прервана и получила своё продолжение в модифицированном виде в советское время. Идея народного представительства была реализована в организации Верховного совета СССР, который состоял из двух палат: Совет Союза и Совет Национальных. Конституция 1936 г. закрепила одинаковое представительство от равнозначных национально-политических и национально-автономных образований, свойственное федеративным государствам. Совет Союза должны были представлять различные социальные и профессиональные группы. Система корпоративных квот, пропорциональная по категориям населения, в советских представительных институтах существовала до начала 1990-х гг. Это была достаточно демократичная система представительства, учитывающая социально-демографические особенности населения страны, предоставляющая возможность максимального представительства в советских органах власти.

Советская легислатура играла важную роль в политической социализации советских граждан, с одной стороны, с другой – Советы выполняли функцию представительной консолидации советского общества, придавали высокую степень легитимности всей советской политической системе. В общественном сознании советских граждан сформировался позитивный стереотип выборных органов власти. Социологические исследования конца 1980-х гг. свидетельствуют о том, что большинство населения считало, что для России подходит власть с народным представительством.

Конституция РФ 1993 г. внесла существенные коррективы в систему российского представительства. Отменялась квотная система, вводился либеральный принцип представительства в нижней палате парламента. Первые выборы депутатов Государственной думы РФ 12 декабря 1993 г. состоялись на основе смешанной, мажоритарно-пропорциональной системы. Был установлен 5% заградительный барьер. Новая избирательная система негативно сказалась на принципе народного представительства, уровень которого резко сузился.

Сократилось количество женщин-парламентариев, рабочих и т.д. Состав Думы становится неадекватным социальному составу населения. В результате реформы Совета Федерации в 2000 г. утрачивается основное назначение Верхней палаты – полноценное представительство регионов. Следствием введения новой избирательной системы в 2005 г. станет ещё большее сужение представительства в российской легислатуре, которая не сможет адекватно отразить не только социально-демографические особенности населения страны, но и партийно-идеологические предпочтения населения.

Таким образом, в отличие от традиций исполнительной моносубъектной власти, которые сохраняют своё содержание в процессе столкновения с иными социальными формами, традиции российского представительства были вытеснены.

В начале 1990-х гг. наметилась тенденция становления традиций политического плюрализма, многопартийности и представительства широкого политического спектра в парламенте, а также становления политической оппозиции. В Государственной Думе первого созыва прямая оппозиция президенту составила почти 43% от численности депутатского корпуса. Однако с 2000 г. влияние оппозиционных режиму политических партий постепенно снижается. По данным ВЦИОМ, в июле 2005 г. почти половина опрошенных (48%) считают, что при нормальной политической, социальной и экономической ситуации оппозиция не нужна¹.

С конца 1990-х – начала 2000-х гг. наблюдается конструктивное взаимодействие исполнительной и законодательной ветвей власти в рамках формализованных каналов и посредством неформальных практик. С 2002 г. происходят регулярные встречи президента с депутатскими фракциями Государственной думы. Закладывается политическая традиция конструктивного взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти.

Традиции «ослабленного представительства» связывают с сильной российской государственностью. Моносубъектность верховной власти сыграла роль ингибитора эволюции института представительства в России. Традиционное доминирование верховной власти над законодательной превратило представительные учреждения в фасадный институт, имитирующий власть народа.

Для того, чтобы понять, каким образом происходит политическая коммуникация общества и власти в контексте политической культуры в *третьем параграфе «Традиции взаимоотношения общества и государственной власти в России»* диссертант обратился к традициям взаимодействия власти и общества. При анализе указанного комплекса политических традиций автор сосредотачивает своё внимание на характере каналов интеракции коммуникаторов и реципиентов.

Для российского политического процесса свойственны «непрозрачность» каналов коммуникации и их «теневой» характер. Это находит своё отражение в таких устойчивых элементах политической культуры как традиция закрытости

¹ ВЦИОМ. – (<http://www.wciom.ru>)

власти от общества, теневой характер принятия политических решений. По мнению респондентов, такое качество, как «скрытность» среди российских политиков присуще В.В. Путину в наибольшей степени¹. Политический стиль президента В.В. Путина («выходца из спецслужб») оказался конгруэнтным не только массовым представлениям о власти, но и восприятию власти в среде политической элиты.

Для России характерно отсутствие симметрии каналов взаимодействия. Способ коммуникации российской власти с народом носит директивный характер: «сверху – вниз». Традиционно власть рассматривают как нечто, стоящее над обществом, а не инструмент в его руках. Однако, следует отметить, что на рубеже XX-XXI вв. данная традиция постепенно вытесняется на периферию массового сознания. Наблюдается выраженная потребность масс в необходимости большего контроля общества над государством. Автор работы выделил несколько факторов, оказывающих влияние на трансформацию массового сознания. С одной стороны, в повышении самосознания граждан сыграли свою роль импортированные демократические ценности. С другой, оказывают своё влияние советские стереотипы народного суверенитета, традиция ответственности народных избранников перед избирателями.

Традиционной чертой, характеризующей российские каналы коммуникации, стала недостаточная реципрокность (взаимность) власти и общества, выраженная во взаимном отчуждении народа от власти. М.С. Горбачёв пытался восстановить утраченное взаимодействие через механизм гласности, но не удержал баланс новизны и преемственности. В начале 1990-х гг. были даны мощные импульсы к обновлению коммуникативных каналов и восстановлению, а точнее построению заново каналов коммуникации между властью и обществом на демократической основе.

В 2000-е гг. усилия власти были направлены на расширение каналов коммуникации. Предпринимается попытка создать традицию общения власти посредством телеобращения президента, интерактивного общения президента с народом, постоянных выездов представителей государственной власти в регионы. Власть пытается сконструировать каналы обратной связи через создание процедурных правил решения проблем и достижения общественного согласия (формирование Общественной палаты; налаживание взаимодействия бизнеса и власти, правительства и Российского союза промышленников и предпринимателей, союзов мелкого и среднего бизнеса, в том числе и на региональном уровне, НКО).

Для коммуникативных каналов между властью и обществом характерно отсутствие рефлексивности, то есть осмысления, анализа взаимодействия между коммуникатором и реципиентом. Обычно сигналы «снизу», свидетельствующие о назревании кризисной, взрывоопасной ситуации, они медленно доходят до «верхов», до элиты и соответствующих институтов или игнорируются ими. Негативно сказывается на конструктивной рефлексии и традиция безответственности власти перед обществом.

¹ Образы власти в постсоветской России / Под ред. Е.Б. Шестопал – М. Алетея, 2004 – С. 516, табл. 11

Низкая степень рефлексии со стороны массового сознания выражена в таких политических традициях, отражающих восприятие власти, как сакрализация, харизматическая легитимность, персонификация, нескритичность верховной власти. Здесь кроется бинарность русского сознания, которую отмечал ещё Н.А. Бердяев. Власть воспринимается как безответственная, но при этом она сакральная и харизматическая.

В четвёртом параграфе диссертационного исследования «Традиции политических трансформаций в России» анализируются традиции российской политической трансформации. В условиях традиционного доминирования государства над обществом и общественной индифферентности основным методом социальных изменений является «реформа сверху». Каждая новая форма общественного и государственного устройства насаждается властью в надежде на будущую конвергенцию с российской социокультурной матрицей.

Вместе с тем, традицией российского трансформационного процесса является традиция революционных изменений политических институтов. Уникальность России заключается в том, что все наиболее радикальные трансформационные процессы сконцентрировались в XX в.: три русские революции начала XX в. и ломка советской системы в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Радикальные преобразования в обществе коррелируют со стремлением инновационной элиты к отказу от старой нормативно-ценностной системы и попыткой её замены новой, которая смогла бы выполнить функцию легитимации новой власти. В этом случае можно говорить о традиции революционного отрицания предыдущих этапов. На пике демократической волны в конце 1980-х – начале 1990-х гг. для масс, вслед за элитой, была характерна высокая степень отвержения социалистических ценностей (кроме стойких сторонников социализма, в основном старшей возрастной когорты) и снижение доверия к институтам советской системы.

Однако, начиная с 1993 г., по мере ухудшения социально-экономической и политической ситуации в стране число поддерживающих политический режим и новую систему социокультурных ценностей стало снижаться. В современной РФ социологи фиксируют в сознании у одних и тех же индивидов присутствие двойных стандартов. При бытовании либерального дискурса одновременно сохраняются традиционалистские ориентации.

Помимо новых традиций, создаваемых спонтанно или намеренно, возможно обновление комплекса традиций путём заимствования или внедрения иных социокультурных образцов. Для российской политической культуры в отношении инкорпорированных социокультурных образцов в наибольшей степени характерна модель синкретизма новых форм со старыми традициями. Российская верховная власть, как главный актор российских трансформаций, была не только источником изобретённых традиций и инноваций. Она выступала в качестве главного реципиента западных политических традиций. Эту традицию можно вести начиная с Петра I. Но механическое копирование западных институтов приводило к тому, что отсутствовало творческое инновационное начало. Западные формы политических институтов

оказываются наполнены «незападным» содержанием. Традиционная особенность России в том, что существует некий гибридный комплекс политических традиций в виде симбиоза демократических и авторитарных традиций. Разрыв с одной из противоположных традиций приводит к серьезным кризисам и политическим конфликтам.

Специфика российской трансформации заключается в том, что, в отличие от традиционных обществ, Россия уже прошла стадию модернизации в советский период. Наша страна представляет чрезвычайно интересный пример, на материале которого можно изучать политическую трансформацию модернизированного ранее общества, в котором социально-политическая и экономическая трансформация с начала XVIII века становится традицией.

В *Заключении* подводятся итоги исследования, сделаны обобщающие выводы и рекомендации.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Конфликты и диалог политических культур в современной России / Под ред. А.В. Глухой. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С.72-82.
2. Лебедева Ю.Г. Молодёжь: носитель новой политической традиции или результат девиантной интериоризации? // Организация работы с молодёжью в транзитивном обществе: проблемы и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции (24-25 сентября 2004 г.). – Воронеж: ОАО Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. – С. 67-68.
3. Лебедева Ю.Г. Гибридное общество в фазе отсутствия // Вестник научных трудов НКФ МГЭИ. – Сер. 1. Соц.гум. знания. – Нижнекамск, 2004. – С. 67-72.
4. Лебедева Ю.Г. Межпоколенческая символическая коммуникация в эпоху Pop Culturalana // Современные массовые процессы и молодёжь. – Воронеж: Научная книга, 2005. – С. 139-145.
5. Лебедева Ю.Г. Проблемы активизации мыслительных способностей студента (на примере лекции по теме «Политическая культура России») // Проблемы преподавания социологии и политологии в вузах Центрального Черноземья / под ред. А.В. Глухой, Е.Ю. Красовой. – Воронеж: ООО Истоки, 2005. – С.31-35.
6. Социальные конфликты и партнёрство / Под ред. А.В. Глухой, В.С. Рахманина. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 339-351.

2006A
509

- - 509